НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

В.В. ВАНЧУГОВ. ПЕРВЫЙ ИСТОРИК РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: АРХИМАНДРИТ ГАВРИИЛ И ЕГО ВРЕМЯ. – М.: Мир философии, 2015. – 752 с.

А.Т. ПАВЛОВ

Рецензируемая книга явилась первым в нашей истории исследованием жизни и деятельности ученого монаха архимандрита Гавриила, написавшего и издавшего за полвека до появления в России попыток изложения истории русской философии (Я.Н. Колубовским в 1890 г., М.М. Филипповым в 1894 г., В.В. Чуйко в 1895 г., А.И. Введенским в 1898 г.) свое исследование под названием «Русская философия», которое появилось как прибавление к его же четырехтомной «Истории философии» (1837–1840).

В.В. Ванчугов отмечает, что в процессе исследования жизни и творчества первого историка русской философии ему пришлось привлекать самый разнообразный материал, чтобы воссоздать обстановку, которая повлияла на творчество архимандрита Гавриила (до пострига в монахи Василия Николаевича Воскресенского) и побудила его взяться за написание истории русской философии.

Название книги не раскрывает всего богатства содержащихся в ней сведений о жизни русского общества первой половины XIX в. Ведь чтобы понять и объяснить причину появления в 40-х гг. XIX в. исследования о русской философии, необходимо было дать представление не только о жизни его автора, но показать, в каком обществе он жил, с чем сталкивался и какие обстоятельства обусловливали его поведение, его намерения и жизненные планы, показать тесную связь системы просвещения, в том числе философского образования, с историческими событиями века (сменами верховных правителей, войной 1812 г., восстанием 1825 г.).

Очень важным является стремление автора к документально точному воспроизведению фактов жизни архим. Гавриила и его творчества. Как он сам пишет в прологе, ему пришлось неоднократно проверять и перепроверять встречающиеся в литературе сведения как о жизни, так и о произведении архимандрита, исправлять укоренившиеся в литературе ошибочные данные и оценки. Объясняя в какой-то степени обилие приводимых им сведений из воспоминаний современников архим. Гавриила и литературы тех лет, В.В. Ванчугов замечает, что «нам, *тогда* не жившим, *там* не бывшим, приходится опираться на их сообщения и перепроверять, чтобы историко-философская работа не превратилась в занимательную доксографию» (с. 587). Отсюда и стремление автора опираться на самые разнообразные источники, в том числе архивные, чтобы воспроизвести точную или хотя бы максимально приближающуюся к подлинности

картину жизни эпохи архим. Гавриила, чтобы взгляды его, прозрения и промахи были бы объяснены обстоятельствами его жизни и влияниями окружающей действительности.

Понять причину обращения архим. Гавриила к изложению истории русской философии дает описание В.В. Ванчуговым событий 1812 г. и послевоенных настроений Александра I, которые были окрашены религиозной экзальтацией и искренней верой в спасительную силу Христа. Он приводит свидетельства того, что после 1812 г. религиозные настроения действительно овладели Александром I и кн. А.Н. Голицыным (будущим министром духовных дел и народного просвещения), и их стремление все просвещение подчинить Богопознанию не было результатом каких-то практических соображений, но вдохновлялось искренней верой. Любопытен, например, приводимый автором императорский указ Синоду 1817 г. о запрещении в речах духовенства похвал в адрес императора по случаю победы над Наполеоном, опирающийся на то, что поскольку «чрез Единого Господа и Спасителя Иисуса Христа проистекает всякое добро», постольку «отдавать человеку то, что принадлежит всемогущему Богу», непозволительно (с. 108). Пожар Москвы «просветил мою душу, – цитирует В.В. Ванчугов Александра I, – суд Божий на ледяных полях России преисполнил мое сердце теплотой веры. Тогда я познал Бога, как открывает его Святое Писание, и во мне созрела твердая решимость посвятить себя и все свое царствование Его имени и славе» (с. 63). Именно императорское умонастроение позволяет объяснить стремление его приближенных подчинить Богопознанию все просвещение в России, а философию рассматривать лишь с точки зрения ее способности «вести разум к религии». При этом многие деятели русского просвещения в современной им западноевропейской философии стали усматривать учения, ведущие к безбожию и угрожающие самодержавию. Отсюда и гонения на «лжеименную философию» и в целом на европейские культурные традиции Магницкого, Рунича и других мракобесов в системе просвещения, которые руководствовались не религиозными своими убеждениями, а чисто карьерными, прагматическими соображениями, о чем свидетельствует вся их деятельность, описываемая, в частности, и В.В. Ванчуговым. А в Министерстве духовных дел и народного просвещения в это время крепло стремление искать «правильную» философию не на Западе, а в Византийском прошлом, в христианской догматике, в русском национальном духе. О чем, собственно, писал еще Г.Г. Шпет в своем «Очерке развития русской философии».

В книге В.В. Ванчугова хорошо показаны общественные настроения в России, на фоне которых и происходило гонение не только на философию, но в целом на европейские культурные традиции после заключения Священного Союза в 1815 г.

При Николае I в целом настороженное отношение к европейскому миру и к европейской философии мало изменилось, поскольку, как убедился Николай I, умонастроения восставших в декабре 1825 г. офицеров свидетельствовали о влиянии на них европейской культуры и европейской действительности. А при министре народного просвещения С.С. Уварове было выработано целое направление государственной политики в об-

ласти просвещения, направленное на внедрение в систему образования «истинно русских охранительных начал православия, самодержавия и народности». Хотя при С.С. Уварове и был реабилитирован сам термин «философия», поскольку по принятому при нем в 1835 г. университетскому уставу в университетах были восстановлены философские факультеты, однако его стремление внедрить в систему светского образования дух православия, самодержавия и народности лишь усилил стремление к внедрению самобытного духа патриотизма в качестве враждебного всему иностранному умонастроения во все образовательные учреждения, где должен господствовать дух исконных народных традиций преданности монарху и православию.

Книга содержит достаточно сведений о российской жизни первой половины XIX в., которые порой ускользают от внимания исследователей истории русской философии этого периода. При чтении работы В.В. Ванчугова создается впечатление, что автор не упускает ни одного более или менее значительного явления в жизни русского общества тех лет. Он красочно описывает коронацию Александра I, полустолетний юбилей Московского университета, пожар в Москве 1812 г. и поведение при этом московского населения. Он подробно описывает быт, обычаи духовного сословия, к которому принадлежал архим. Гавриил, рассказывает об облачении священников, о внутреннем устройстве и внешнем виде церковных и монастырских зданий, объясняя символическое значение различных деталей архитектуры. При объяснении фамилии героя своего повествования автор рассказывает о происхождении в России фамилий простолюдинов, а говоря о его социальном статусе подробно говорит о различных степенях священнослужителей и должностях церковнослужителей. Весьма интересны цитируемые автором отчеты, доклады и обозрения III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии о состоянии нравственно-политической обстановки в России, содержащие, в частности, довольно грамотные и современно звучащие характеристики русского чиновничества, духовенства и других сословий. В принципе даже просто перечислить все детали русской жизни, о которых идет речь в книге, нет никакой возможности, столь многочисленны их описания и довольно интересные и подробные. Поэтому остановлюсь лишь на рассмотрении вопросов философского образования, которые изложены столь же обстоятельно и с цитированием обозрений преподавания и воспоминаний студентов.

Нельзя не отметить обстоятельное описание философских курсов, которые читались в духовных семинариях и академиях. Автор пишет о том, что в семинариях внимание обращалось на усвоение философской терминологии, давалось общее «понятие о истинном духе философии», а в академиях профессор должен был разъяснять причину существования различных философских теорий, показать путь к философии единой и истинной, ведущей к истине Евангельской, а на этом пути показать философию Платона как верную помощницу. При этом в академиях на философском отделении два года изучались философские дисциплины, а следующие два года на богословском отделении совершенствовались богословские

знания. Описания курсов лекций и организации учебного процесса автор сопровождает характеристиками преподавателей и подробным описанием быта слушателей духовных семинарий и академий. Любопытно одно из приводимых автором свидетельств слушателя Московской духовной академии, который отмечал, что метафизику и нравственную философию им не читали, а с главными философскими проблемами их знакомили «при чтении философской истории». При этом в академии студентам не мешали самостоятельно выбирать тексты для обсуждения и споров, в том числе и из работ Канта, Фихте и Шеллинга, хотя в центре изучения были сочинения Платона, Плотина и их последователей. И подробных воспоминаний о преподавании философии в книге немало, поэтому при чтении складывается довольно впечатляющая картина философского образования в духовных учебных заведениях России.

Не обходит своим вниманием В.В. Ванчугов и состояние дел в российских университетах, главное внимание обращая на Казанский университет, где архим. Гавриил преподавал философские и богословские дисциплины и в эти же годы написал и издал главные свои труды: «Историю философии» в 4 частях и два прибавления к ней – часть пятую о философии древнеиндийской и древнекитайской и часть шестую о философии русской.

Что же побудило архим. Гавриила взяться за написание труда на тему, за которую до него серьезно не брался никто?

Поскольку теория русской национальной философии писалась архимандритом Гавриилом впервые, В.В. Ванчугов поставил себе целью «выделить основные *элементы* и приемы *работы*, выявить прямые и косвенные источники вдохновения, план и степень его реализации (с. 385).

Начиная излагать свое рассмотрение труда архим. Гавриила В.В. Ванчугов приходит к выводу, что свой труд архимандрит начал писать без плана, а следовательно и реализовать его не мог. Что касается основных элементов труда, то на первый план выходит характеристика основных отличительных черт русского национального духа, которые, по Гавриилу, обладают исключительно положительными качествами. Отсутствие серьезной эмпирической базы для написания истории русской философии вынудило архимандрита собирать в качестве философских источников «все те тексты, где есть *богоискание* посредством философских понятий, образов, высказываний [...], все, в чем он видел проявление любомудрия» (с. 427). Гавриил постарался аккумулировать в своем труде все доступные ему работы, в которых делались попытки дать характеристики русского духа и определить особенные черты русского любомудрия.

Следует подчеркнуть особо, что В.В. Ванчугов далек от безудержного восхваления труда архим. Гавриила, он отмечает его серьезные недостатки и изъяны, связанные не только с отсутствием серьезной источниковой базы, но и с официальными установками министерства народного просвещения и духовных ведомств. О работе архим. Гавриила «Русская философия» он замечает: «Книга архим. Гавриила больше похожа на эпос, на сказание о русском любомудрии, а не изложение систем философии в их исторической изменчивости. [...] Под названием «Русская философия»

получилась скорее бессистемная хрестоматия, составленная в едином эмоциональном порыве из случайных текстов, с комментариями то скупыми, то восторженными и пространными, предваренная сумбурным введением, в основе которого идеологема от министра народного просвещения, да сугубо богословское воззрение на философию, согласно которому она есть искание Бога иными путями» (с. 409, 410).

В.В. Ванчугов во многих местах своего исследования отмечает заимственный характер высказываний Гавриила (у О. Новицкого, А. Краевского и у многих других авторов работ, появившихся до выхода в свет «Русской философии» архим. Гавриила), замечая, что труд архим. Гавриила очень далек от совершенства. Однако, несмотря на все критические замечания в адрес создателя «Русской философии», автор рецензируемого труда подчеркивает, что несомненной заслугой архимандрита Гавриила является то, что он первым понял необходимость предъявить учащимся и более широкой публике компактное изложение отечественной философии. «Архим. Гавриил был единственным, кто взялся за дело – написание истории философии *в России*» [с. 419] и это несмотря на колоссальную загруженность другими делами, ведь он оставался наместником казанского Успенского Зилантова монастыря и своими хозяйственными заботами сумел добиться присвоения монастырю второго разряда (при назначении архим. Гавриила настоятелем монастырь был третьеразрядным), он преподавал богословие в духовной семинарии и закон Божий в губернской гимназии, в университете читал лекционные курсы по логике и психологии, истории философии и нравственной философии, церковному и каноническому праву, принимал участие в городских и губернских комиссиях и комитетах.

Несмотря на то, что В.В. Ванчугов говорит о невысокой теоретической значимости труда архим. Гавриила, он все же справедливо отмечает, что «работа архим. Гавриила является памятником отечественной философской мысли, вехой в истории любомудрия», мимо которой не мог и до сих пор не может пройти ни один специалист» (с. 732).

На семистах с лишним страницах текста трудно избежать отдельных просчетов и упущений. Можно, конечно, привести отдельные неточности в названиях кафедр, в названиях отделений философского факультета, восстановленного по уставу 1835 г. и ликвидированного в 1850 г. по указанию Николая I. Можно упрекнуть автора в недостаточно продуманном распределении материала по главам, что иногда приводит к частичным повторам. Есть в рецензируемой книге и много таких повествований, которые очень интересны, содержательны и расширяют наше знание о русской истории и быте, но которые не связаны с темой исследования и просто рассказывают о том, что происходило в России в период, когда жил архимандрит Гавриил. Но все это будет напоминать поиски блох на хорошо упитанном теле, каковым является рецензируемое издание.

Главное, что этот научный труд читается как увлекательное художественное произведение, интересное не только специалистам – историкам философии, но любому читателю, интересующемуся историей страны, в которой он живет.